

Тема «Большой Европы», поднятая в специальном ньюслеттере «Русского института», посвященном Ярославской инициативе президента РФ Дмитрия Медведева (19.10.2009 года), вызвала дебаты в интеллектуальной среде. РЖ возвращается к теме и предоставляет слово заместителю директора Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Дмитрию Суслову.

Россия — за равноправные отношения в Европе

Дмитрий Сулов

Большая Европа — не только географическое, культурно-цивилизационное или политическое, но и ценностное понятие. Возможно, что в ценностном отношении США гораздо ближе к Западной Европе, чем, например, Россия. Можно найти еще массу государств, которые могут придерживаться критериев, прописанных в уставных документах Совета Европы, не будучи членами Совета Европы.

Идея Большой Европы предполагает, чтобы государства, относящиеся к Европе географически и культурно, имели бы некую политическую целостность. Точнее — общий порядок. Общий порядок в сфере безопасности, общий политико-дипломатический порядок, общий экономический порядок.

И в теории, и на практике существуют две модели Большой Европы. Первая, реализация которой сегодня зашла в тупик, — это расширенный Запад, включающий в себя Россию в качестве младшего партнера. И вторая модель, когда Большая Европа имеет в себе два подпорядка, находящиеся в отношениях тесного сотрудничества и даже интеграции, а не конфронтации, как было в годы холодной войны.

В последнее время реализовывалась модель расширенного Запада, состоящая в максимально возможном расширении двух главных основополагающих институтов Европы — НАТО и Евросоюза. Такая Большая Европа основывалась бы

на расширенном Евросоюзе, имеющем тесные вертикальные отношения с Россией, то есть Россия выступала бы младшим партнером ЕС.

Стратегия НАТО и ЕС заключается в выстраивании подобной Большой Европы. Такая Большая Европа должна быть ЕС-центрична, и параллельно она должна быть НАТО-центрична в области безопасности. **Стратегия Евросоюза в отношении России исходит из идеи о том, чтобы сделать Россию своей периферией,** чтобы сблизить российские стандарты и правила со стандартами и правилами ЕС, тем самым получая мощный инструмент воздействия на российскую внутреннюю политику, воздействия на российский законодательный процесс. Россия участия в европейских институтах не получает, таким образом, становясь полуколонией Евросоюза.

Эта модель развития Большой Европы для России неприемлема. Вся логика российской внешней политики, начиная с середины 1990-х годов — это несогласие с превращением западного порядка в

панъевропейский порядок, и тем более несогласие со включением в этот порядок России и стран СНГ в качестве младших партнеров.

Россия выступает за качественно иную модель Большой Европы. Россия претендует на собственный субпорядок. В плане безопасности основу этого порядка закладывает ОДКБ, в плане экономики — ЕврАзЭС и Таможенный союз, который Россия выстраивает с Беларуссией и Казахстаном и к которому в перспективе подключится Украина и, возможно, Молдавия и другие страны СНГ. Россия выступает за то, чтобы Запад признал ОДКБ и ЕврАзЭС равноправными Западу.

Россия выступает за биполярную Большую Европу, но за такую биполярность, которая была бы не конфронтационной, а кооперативной. Россия предлагает определенные правила игры в рамках Большой Европы, предлагает эту биполярность строить общими, универсальными правилами игры и, может быть, даже некоей институциональной надстройкой над НАТО и ОДКБ, с одной стороны, и над Евросоюзом и ЕврАзЭС — с другой. В плане правил жесткой безопасности предлагается идея Договора о европейской безопасности. В плане экономическом пока нет четкой формализованной инициативы России, но, скорее всего, она появится, потому что образ мысли российского политикообразующего класса и российской дипломатии в отношении ЕС к этому уже ведет. ■